

№ 12 (182)
Декабрь

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

*Рождественский
сочельник
6 января*

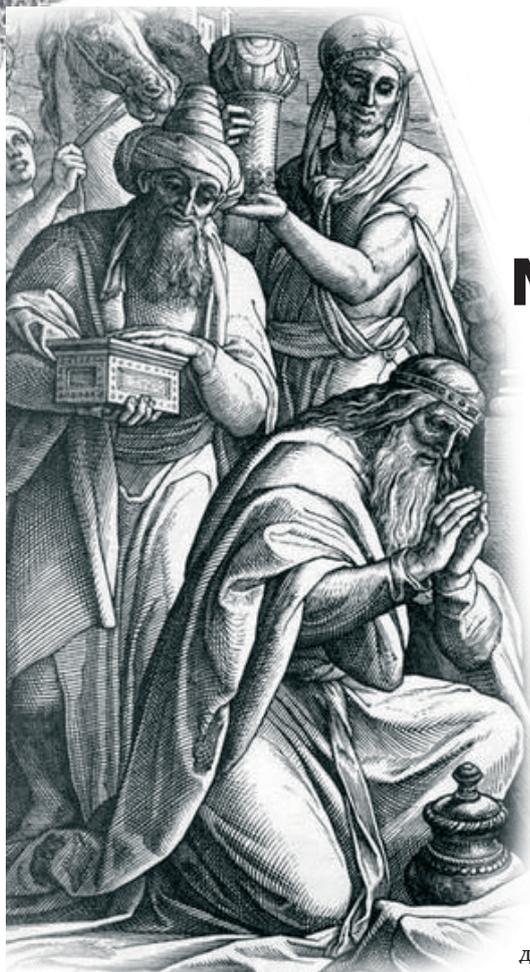
Г. Доре
Волхвы с Востока

Протоиерей Сергей Булгаков

ДАРЫ ВОЛХВОВ: ЧТО МЫ ПРИНЕСЕМ МЛАДЕНЦУ ХРИСТУ?

И пришедше в хранину, видеша отроча с Мариною материю Его, и падше поклонишася Ему: и, отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары: злато, ливан и смирну.

(Мф. 2, 11)

Ему дары, и мы имеем их, ибо это Он Сам обогатил нас, обнищав для нас. Он сотворил нас сообразными по Себе, и это — Его дары, которые мы должны обрести в себе, открыв сокровища свои. И мы не обделены у Господа, и мы призваны принести Ему и злато, и ливан, и смирну, — злато яко Царю, ливан яко Богу, и смирну яко вкусившему нас ради смерть Человеку.

Злато... В темных недрах земли заключена его сверкающая слава, его звонкая полнозвучность, его нержавеющая чистота. Это как бы преображенная земля, это откровение темных недр, в которых таится сияние света. Тяжелым трудом, настойчивым терпением, по малым крупичам извлекается это злато, пока не соберется оно в таком количестве, чтобы озарить своим светом, озолотить своим сиянием. Таковы и недра человеческого духа, в которых и из которых человек своим творчеством извлекает умную красоту и ею мир облакает. Это злато принадлежит Царю Славы, и человек должен принести Ему Им данную нашу собственную славу, Им данные дары Святого Духа. Каждый человек имеет свой дар Духа Святого, свою сокрытую в нем славу, свое злато, и он должен обрести его в себе, чтобы не тщетным, не с пустыми руками войти в хранину. Принесем же Ему творческий порыв нашего духа и плод его.

Ливан... Благовонный фимиам, возносящийся к небу и в нем истекающий, как человеческая душа,

восходящая на свою небесную родину. Душа крылата, она причастна ангельским воинствам, воспевающим в небесах славу в вышних Богу, она возлетает к престолу Божию в молитвах и созерцаниях своих. Ангельская природа человеческого духа есть этот ливан души, сокрытый в сердце его. Человек не знает, какие богатства имеет, какие сокровища даны ему, пока сам не изведает их, принеся их Христу-Богородителю. Очи Младенца, смотрящие в очи нашей души, ее нам открывают, и она возгорается благоговением любви, яко кадило пред Тобою... Но надо восстать от сна, в котором мы пребываем, надо пойти в дальний путь, не по земным межам, но по звездам, чтобы обрести хранину своего духа, в которой покоится в яслях убогих Христос, и, поклонившись Ему, принести ему ливан свой. И всякая душа призвана быть этим кадилом благовонным, всякая душа имеет свою молитву, знает свой путь в священную хранину... Да не убоится она малости своей, ибо в этой хранине ее почитает сам Христос, пеленами повитый, Ему поклонимся...

И смирну... Погребальное миро любви, принесенное любовью, души — мирносицы, погребающие Возлюбленного Жениха, и сами соумирающие с Ним в сердцах своих. Да, мы должны принести Ему не только жизнь, но и смерть свою, с Ним соумирать, дабы с Ним воскреснуть... Мудрые волхвы познали, что Рождество Его было и началом смертного пути к Голгофе, и что ясли — символ гроба. Путь любви есть жертва, а цена жертвы — смерть. Он рожден был на земле для

Они пришли, мудрые волхвы, в хранину и поклонились Ему, и отверзли сокровища мудрости своей и принесли Ему дары: злато, ливан и смирну, все дары, какие только имеет и может принести Богу, пришедшему к человеку, человек, приходящий к Богу. Они предстали Ему как бы от лица всего человечества с человеческими сокровищами, которые для того только и существуют, чтобы стать дарами, приносимыми Христу. Вместе с ними и вслед за ними входим и мы ныне в хранину и видим отроча с Мариною Матерью Его и поклоняемся Ему в мудрости и веселии любви благодарящей.

Что же приносим мы и что можем принести от скудости нашей любви, от пустоты нашей души, от призрачности нашей жизни? Ужели стоим мы с пустыми руками, растерянные и смущенные, или же, что еще страшнее, рассеянные и равнодушные? Но нет, да не будет! Мы хотим принести

смерти, и вся жизнь Его есть жертвенное заклание. Но и наш путь не иной, и мы должны принести Ему свою смерть, свое умирание с Ним... «Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе», и кто хочет прийти к Нему, да принесет Ему свою собственную смерть, решимость жить в Его смерти и воскресать

Его воскресением... Не звучит ли это скорбью в этот ликующий день, в свете славы и в пении ангелов? Но эти дары наши суть выражения величайшей радости, блаженства любви. Ибо «сильна как смерть любовь», ибо любовь есть жизнь, и любовь есть смерть, смерть нашего себялюбивого, мертвого я. Смерть

во Христе и есть жизнь, есть воскресение с Ним. Да будут наши дары угодны Ему, да призрит Он милостиво на нас, к Нему пришедших, да укажет Он дланию на нас, как братьев Своих, Матери Своей, Его и нашей. Нас бо ради родися отроча младо, предвечный Бог. Аминь.

1934 г

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

Приближаясь к воспоминанию великого и спасительного события Рождества Христова, Церковь с благоговением воспоминает предков Спасителя по плоти, от которых Он произошел, как Богочеловек. За две недели пред сим праздником Церковь совершает память св. Праотцев и день памяти их называет неделей св. Праотцев (Деян. III, 25). Празднование св. Праотцам бывает в разные числа от 11 до 17 дня декабря, и часто бывает в 28-ю неделю по Пятидесятнице.

В неделю св. Праотцев Церковь воспоминает десять допотопных патриархов, т. е. родоначальников народа Божия, живших до закона, данного на Синае, и ветхозаветных патриархов, живших уже под законом, — Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, воспоминает также пророков и всех ветхозаветных Святых, оправдавшихся верою в грядущего Мессию. К праотцам относятся также праведные Богоотцы Иоаким и Анна, родители Богородицы, и праведный Иосиф, обручник Богородицы. Эти ближайшие родственники Христа по плоти, а также апостол Иаков Праведный и царь Давид, именуется также Богоотцами.

Задолго до Рождества Христова человечество в лице праотцев и отцов, которых воспевают Церковь в своих песнопениях перед праздником Рождества Христова, явило благие плоды веры. «Верою (греч. «в вере») Бог оправдал праотцев», — говорится в кондаке Недели праотцев. Поскольку многие из праотцев не принадлежали к избранному народу, Христос через них предобручил Себе язычников, чтобы впоследствии призвать языческие народы в Свою Церковь. Христос «возвеличил их (праотцев и отцов) во всех языках», ибо от их рода происходила Пресвятая Дева Мария, которая без семени родила Христа.

Спаситель должен был родиться на земле телесно. Насколько важно было телесное рождение, доказывается тем, что Евангелие начинается именно с родословия

Христа. Хотя рождение Спасителя и было чудесным, безмужным, но оно произошло от Матери, и благословенная Дева и Мать не могла не иметь Своих предков. И все они отличались высокой и праведною жизнью. Вот восхваляется «первый Адам, рукою Зиждителя (через создание) почтенный», всех праотцев; сын его Авель, дары

принесший «душою благороднейшею», «которые и принял всех Бог и Господь»; «поется в мире Сифово к Зиждителю пламенное устремление, ибо в непорочном жителстве и душевной любви Тому истинно угоди». «Чудный Енос богомудренно положился в Духе на призывание устами, языком и сердцем Владыки всех и Бога». И Енох, «благоугодив Господу, преставился в славе, явился лучше смерти, Божий быв раб искреннейший». Бог, видя благородство и простоту нрава Ноя во всем совершенными, «соделал его главным вождем (родоначальником) второго мира». Отец верующих — Авраам, образец кротости и покорности — Исаак, пример терпения — Иаков, покорности и целомудрия — Иосиф, милосердный Вооз, преданная Руфь, мужественный Давид, премудрый Соломон, несчастный Ровоам, благочестивый Езекия, кающийся Манассия, праведный Иосия и многие другие ветхозаветные праведники. Так от одного праведника к другому передавалось благочестие на земле до Христа.

От таких благочестивых предков произошла Пресвятая Дева Мария, достигшая высочайшей святости и непорочности и послужившая великой тайне спасительного Боговоплощения. К святости и высокому жребию Дева Мария была предуготована еще до Своего рождения подвигом праведной жизни предыдущих поколений ветхозаветных праведников, праотцев и отцов, ибо через них таинственно предвозвещалось явление в мир Христа, спасающего людей, «взывающа вся сущия в мире».

С ПЯТЬ НЕДЕЛЯ СВЯТЫХ ПРАОТЦЕВ

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

Ныне мало старцев, которые знают любовь Господа к нам и знают борьбу с врагами, и что побеждать их должно Христовым смирением.

Господь так любит человека, что дает ему дары Святого Духа, но пока душа научится хранить благодать, то много намучается.

В первый год, по получении Святого Духа, я думал: грехи мне Господь прости: благодать свидетельствует об этом; чего мне еще более надо? Но не так надо думать. Хотя грехи прощены, но всю жизнь надо о них помнить и скорбеть, чтобы сохранить сокрушение. Я так не делал, и перестал сокрушаться, и много я потерпел от бесов. И я недоумевал, что со мною делается: душа моя знает Господа и Его любовь; как же мне приходят плохие помыслы? Но Господь меня пожалел, и Сам научил меня, как надо смиряться: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся». И этим побеждаются враги; а когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу.

Как понять — здорова ли душа, или больна? Больная душа — горделива; а здоровая душа любит смирение, как научил ее Дух Святой, и если не знает этого, то считает себя хуже всех.

Смиренная душа, хотя бы Господь брал ее на небо каждый день и показывал всю небесную славу, в которой пребывает Он, и любовь Серафимов и Херувимов, и всех Святых, то и тогда, наученная опытом, будет говорить: «Ты, Господи, показываешь мне Свою славу, потому что Ты любишь создание Свое, но мне дай плач и силу благодарить Тебя. Тебе подобает слава на небе и на земле, а мне подобает плакать о грехах моих». Иначе не сохранишь благодать Святого Духа, которую дает Господь туне, по милости Своей.

Господь много пожалел меня, и дал мне разуметь, что всю жизнь надо плакать. Таков путь Господень. И вот теперь пишу, жалея тех людей, которые подобно мне, горделивы и потому страдают. Пишу, чтобы учились смирению и обрели покой в Боге.

Некотрые говорят, что это раньше когда-то было, а теперь все это постарело; но у Господа никогда ничто не умалется, а только мы изменяемся, делаемся плохими и так теряем благодать; а кто просит, тому

Господь дает все не потому, что мы этого стоим, но потому, что Господь милостив и нас любит. Я пишу об этом потому, что душа моя знает Господа.

СТАРЕЦЪ СИЛУАН

О СМирЕНИИ

Научиться Христову смирению — есть великое благо; с ним легко и радостно жить, и все бывает мило сердцу. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым, а если не смиримся, то Бога не узрим. Смирение есть свет, в котором мы можем узреть Свет-Бога, как поется: «Во свете Твоем узрим свет».

Господь научил меня держать ум во аде, и не отчаиваться, и так смиряется душа моя, но это не есть еще настоящее смирение, которое неопишимо. Когда душа идет к Господу, то бывает в страхе, но когда увидит Господа, то от красоты славы Его неизреченно радуется, и от любви Божией и от сладости Духа Святого совершенно забывает землю. Таков рай Господень. Все будут рады видеть других выше себя. Смирение Христово в меньших обитает; они рады, что они меньше. Так мне дал разуметь Господь.

Великая разница между самым простым человеком, познавшим Господа Духом Святым, и человеком, хотя бы и очень великим, но не по-

знавшим благодати Святого Духа.

Душа, не испытывавшая сладости Духа Святого, радуется от тщеславия мирской славе, или богатству, или власти; а душа, познавшая Господа Духом Святым, желает только одного Господа, а богатство и славу мирскую вменяет ни во что.

О, Христово смирение! Знаю я тебя, но стяжать не могу. Плоды твои сладки, потому что они не земные.

Когда унывает душа, то как возжечь в ней огонь, чтобы горела она любовью на всякий час? Огонь этот у Бога, и Господь пришел на землю, чтобы дать нам этого огня благодати Святого Духа, и кто научается смирению, тот имеет его, ибо Господь смиренным дает благодать Свою.

Много труда надо положить, и много слез надо пролить, чтобы удержать смиренный дух Христов; а без него угасает в душе свет жизни, и она умирает. Тело иссушить постом можно скоро, но душу смирить так, чтобы она постоянно была смиренна, не легко, и не скоро возможно. Мария Египетская 17 лет боролась со страстями, как с дикими зверями, и только тогда обрела покой; а ведь тело она иссушила скоро, потому что в пустыне ей нечем было питаться.

О, как надо просить Господа, чтобы Он дал душе смиренного Духа Святого. Смиренная душа имеет великий покой, а гордая — сама себя терзает. Гордый не знает любви Божией и далек от Бога. Он гордится тем, что богат, или учен, или в славе, но не знает несчастный своей нищеты и гибели, ибо Бога не знает. Но кто борется против гордости, тому поможет Господь победить эту страсть.

Гордость не дает душе вступить на путь веры. Неверующему я даю такой совет: пусть он скажет: «Господи, если Ты есть, то просвети меня, и я послужу Тебе всем сердцем и душою». И за такую смиренную мысль и готовность послужить Богу, Господь непременно просветит. Но не надо говорить: «если Ты есть, то накажи меня», потому что если придет наказание, ты, быть может, не найдешь силы благодарить Бога и принести покаяние.

И когда Господь просветит тебя, тогда душа твоя почувствует Господа; почувствует, что Господь прости

ее, и любит ее, и это ты из опыта познаешь, и благодать Святого Духа будет свидетельствовать в душе твоей спасение, и захочешь тогда кричать на весь мир: «Как много нас любит Господь».

Гордого если и силою посадить в рай, он и там не найдет покоя, и будет недоволен, и скажет: «Почему я не на первом месте?» А смиренная душа исполнена любви и не ищет первенства, но во всем желает добра и всем бывает довольна.

Тщеславный или боится бесов, или уподобился им; но не должно бояться бесов, а тщеславия и гордости надо бояться, потому что чрез них теряется благодать.

Господь много нас любит, но мы все же падаем, потому что не имеем смирения. Чтобы сохранить смирение, надо умертвить плоть и принять Христову Духа. Святые имели крепкую брань с бесами, и победили их смирением, молитвою и постом.

Кто смирил себя, тот победил врагов.

Что надо делать, чтобы иметь мир в душе и теле? Для этого надо всех любить, как самого себя, и каждый час быть готовым к смерти. Когда душа помнит смерть, то приходит в смирение, и вся предается воле Божией, и желает быть со всеми в мире и всех любить.

Когда мир Христов придет в душу, тогда она рада сидеть, как Иов, на гноище, а других видеть в славе; тогда душа рада, что она хуже всех. Тайна сил смирения Христова — велика, и невозможно ее объяснить. От любви душа всякому человеку хочет больше добра, чем себе, и радуется, когда видит, что другим лучше, и скорбит, когда видит, что они мучаются.

Господь любит людей, но посылает скорби, чтобы люди познали немощь свою и смирились, и за смирение свое приняли Святого Духа, а с Духом Святым — все хорошо, все радостно, все прекрасно.

Иной много страдает от бедности и болезней, но не смиряется, и потому без пользы страдает. А кто смирится, тот всякою судьбою будет доволен, потому что Господь его богатство и радость, и все люди будут удивляться красоте души его.

Ты говоришь: у меня много горя. Но я тебе скажу, или лучше Сам

Господь говорит: смирись, и увидишь, что твои беды превратятся в покой, так что ты и сам удивишься, и скажешь: Почему же я раньше так мучился и скорбел? Но теперь ты радуешься, потому что смирился, и пришла благодать Божия; теперь ты хотя бы один сидел в бедности, радость не оставит тебя, потому что на душе у тебя мир, о котором Господь сказал: «мир Мой даю вам». Так всякой смиренной душе Господь дает мир.

Душа смиренного, как море; брось в море камень, он на минуту возмутит слегка поверхность, и затем утонет в глубине его. Так скорби утопают в сердце смиренного, потому что с ним сила Господня.

Гордой душе Господь не являет Себя. Гордая душа, хотя бы все книги изучила, никогда не познает Господа, ибо она гордостью своею не дает в себе место благодати Святого Духа, а Бог познается только Духом Святым.

Если бы мы были смиренны, то Господь, по Своей любви, все показал бы нам, открыл бы все тайны, но горе наше в том, что мы не смиренны, гордимся и тщеславимся всяким пустяком, и тем мучаем и самих себя и других.

Господь, хотя и милостив, но за гордость томит душу голодом, и не дает ей благодати, доколе не научится она смирению.

Господи, исправь нас, как нежная мать исправляет своих малых детей. Дай всякой душе познать радость пришествия Твоего и силу помощи Твоей. Дай прохладу страждущим душам Твоего народа, и всех нас научи Духом Святым знать Тебя. Томится душа человеческая на земле, Господи, и умом не может укрепиться в Тебе, потому что не знает Тебя и Твоей благодати. Ум наш омрачен земными попечениями, и не можем мы понять полноту любви Твоей. Ты нас просвети. Твоему милосердию все возможно. Ты сказал во Святом Евангелии, что мертвые услышат глас Сына Божия, и оживут; так ныне сотвори, чтобы мертвые души наши услышали глас Твой и ожили бы в радости.

Гордый боится укоризны, а смиренный — несколько. Кто стяжал Христово смирение, тот всегда желает укорять себя и радуется поношениям, и скорбит, когда его хвалят. Но это еще первоначальное смирение, а когда душа познает Господа Духом Святым, какой

Он смиренный и кроткий, тогда видит себя хуже всех и рада сидеть на гноище, как Иов, в худых одеждах, а людей видеть в Духе Святом, сияющими и похожими на Христа.

Да даст Милостивый Господь всем вкусить Христову смирения, которое неопишимо, и тогда душа уже не пожелает ничего более, но вечно будет жить в смирении, любви и кротости.

Жалко мне бедных людей, которые не знают Бога. Они гордятся, что летают: но это совсем не дивно: и птицы летают и славят Бога, человек же, творение Божие, оставляет Творца. Но ты подумай, как ты будешь стоять на Страшном Суде Божиим? Куда ты убежишь и где ты скроешься от Лица Божия?

Нлаженна смиренная душа; любит Ее Господь. Смиренных святых Ублажают все небо и земля, и Господь дает им славу быть с Ним: «идеже Аз, там и слуга Мой будет».

Выше всех во смирении Божия Матерь, и за то ублажают Ее все роды на земле и служат Ей все силы небесные; и сию Матерь Свою дал нам Господь в заступление и помощь.

Гордость, как огонь, поедает все доброе, а смирение Христово неопишимо и сладостно. И если бы знали это люди, то вся земля училась бы этой науке. Я всю жизнь, день и ночь учусь ей, и не могу одолеть.

Есть много родов смирения. Один послушлив и во всем себя укоряет, и это смирение. Иной кается во грехах своих и почитает себя мерзким пред Богом, — и это смирение. Но иное смирение у того, кто познал Господа Духом Святым. Кто познал Господа Духом Святым, у того другое познание и другой вкус. Когда душа Духом Святым увидит Господа, какой Он кроткий и смиренный, тогда сама она смиряется до конца. И если бы люди Духом Святым познали — какой наш Господь, то все бы изменились: богатые презрели бы свои богатства, ученые — свои науки, правители — свою славу и власть, и все бы смирились, и жили бы в великом мире и любви, и на земле была бы великая радость.

Господи, дай народам всей земли познать, как много Ты нас любишь, и какую чудную жизнь Ты даешь верующим в Тебя.

**По страницам книги
«Старец Силуан»**

Владыка Василий
в Почаеве

Редакция «Алекса́ндро-Невского вестника» продолжает знакомить своих читателей с некоторыми главами из новой книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы», в которой автор повествует о промысле Божиим и о жизни христиан в конце XX — начале XXI века.

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ПОСЛУШНИК

Г емнадцатого сентября тысяча девятьсот девяносто девятого года в Вашингтоне умер русский епископ Василий (Родзянко).

На самом деле Владыка Василий просто наконец-то дождался часа, чтобы отправиться в путешествие, к которому усердно готовился всю жизнь. Владыка частенько сам об этом пытался рассказать, но его почти никто не понимал. Собеседники предпочитали пропускать его слова мимо ушей или сочувственно талдычили какие-нибудь благоглупости, вроде: «Да что вы, Владыка, вам еще жить да жить! Бог милостив...» Но сам Владыка с нетерпением и самым живым интересом предвкушал это путешествие.

Вообще-то, он и при жизни был заядлым путешественником. Я бы даже сказал, что путешествие было его настоящим призванием, и больше того — образом жизни.

Началом его странствий, без сомнений, стало появление на свет в тысяча девятьсот пятнадцатом году, в родовом поместье Отрада, младенца, которому в дальнейшем и надлежало стать епископом Василием, но которого до поры до времени нарекли Владимиром. Дедом новорожденного по отцовской линии был председатель Государственной думы Российской империи Михаил Владимирович Родзянко. А мама происходила из древнего рода князей Голицыных и Сумароковых. Да и вообще, многие знатные русские дворянские роды были либо в близком родстве, либо приходились просто родней этому новорожденному рабу Божиему.

Следующее серьезное путешествие Владыка предпринял в тысяча девятьсот двадцатом году, когда ему было пять лет от роду. Путь-дорога предстояла неблизкая — по суше и по морю, через Турцию и Грецию — в Сербию. Причина этого путешествия была вынужденной — семью бывшего председателя Государственной думы новые властители России в живых оставлять не собирались. Родзянки осели в Белграде, где будущий владыка и вырос.

С учителями ему повезло. Кроме того, что в Югославии был собран цвет русской эмиграции, его непосредственными воспитателями были иеромонах Иоанн (Максимович), который через тридцать лет стал знаменитым архиепископом Сан-Францисским, а еще через тридцать — прославлен как святой в русском зарубежье, и великий первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий). Это были такие гиганты духа, которые не могли не оказать на своего воспитанника самого сильного и благодатного влияния.

Но перед ними у Владыки был еще один, не менее важный, воспитатель. Его Владыка тоже помнил всю оставшуюся жизнь. Это был гувернер, бывший офицер Белой армии. Никто, кроме маленького Володи, не знал, что этот воспитатель каждый день избивал и мучал мальчика, искусно делая так, чтобы следов пыток не оставалось. Дело заключалось в том, что этот несчастный офицер лютой, последней ненавистью ненавидел Михаила Васильевича Родзянко — деда своего воспитанника, которого считал виновником гибели России. Но поскольку гувернер не решался выместить свою боль на деде, то расплачиваться приходилось внуку.

Через много лет Владыка вспоминал: «Моя мать незадолго до кончины сказала: «Прости меня, что я по недосмотру дала мучить тебя, когда ты был ребенком». — «Мама, это было по Промыслу Божиему, — отвечал я. — Не будь того, что случилось со мной в детские годы, не стал бы я тем, кем являюсь сейчас...»»

Когда Владыка был уже преклонных лет старцем, в одном из странствий, Господь привел его в Царское Село. Владыке благословили совершить здесь литургию в храме Федоровской иконы Божией Матери, том самом, который был особым детищем императора Николая II, и который любила вся царская семья. Когда служба была завершена, Владыка вышел к народу и принес покаяние за вину, к которой так пронзительно ощущал себя причастным с

самого детства лишь потому, что был внуком любимого им деда. Владыка тогда сказал:

— Мой дед хотел только блага для России, но как немощный человек он часто ошибался. Он ошибся, когда послал своих парламентариев к Государю с просьбой об отречении. Он не думал, что Государь отречется за себя и за своего сына, а когда узнал это, то горько заплакал, сказав: «Теперь уже ничего нельзя сделать. Теперь Россия погибла». Он стал невольным виновником той екатеринбургской трагедии. Это был невольный грех, но все-таки грех. И вот сейчас, в этом святом месте, я прошу прощения за своего деда и за себя перед Россией, перед ее народом и перед царской семьей и как епископ властью, данной мне от Бога, прощаю и разрешаю его душу от этого невольного греха.

В Югославии Родзянки осели надолго. Владимир вырос в доброго, высокого и очень красивого юношу. Он получил блестящее образование, полюбил чудесную девушку, которая стала его женой, и в двадцать пять лет был рукоположен священником в Сербской Церкви. Когда началась война, отец Владимир Родзянко бесстрашно участвовал в сопротивлении. И так же бестрепетно остался в Югославии после прихода к власти коммунистического правительства, хотя в то время многие белые эмигранты, в первую очередь те, кто был на особом счету у советской власти, покинули эту страну. Но отец Владимир был священником на сербском приходе и считал для себя невозможным бросить свою паству. Даже под угрозой тюрьмы или расстрела.

Расстрелять его не расстреляли, но в лагерь, конечно, посадили. На восемь лет. А лагеря у Тито были не менее страшные, чем в СССР. К счастью, Тито скоро пощорился со Сталиным и, чтобы хоть как-то досадить своему бывшему патрону, назола ему выпустил из югославских лагерей всех русских эмигрантов. Так что Владыка просидел в югославских тюрьмах только (или правильно сказать — целых) два года. Прямо из лагерей он снова пустился в странствие.

Сначала он оказался в Париже, у своего духовника архиепископа Иоанна (Максимовича). Потом в Лондоне, где стал служить в сербском православном храме. Здесь же, в Лондоне, на радио Би-Би-Си, отец Владимир начал вести свои церковные передачи на Россию, из которых множество православных христиан в Советском Союзе узнавали о Боге, о православной вере, об истории Церкви и своей страны.

Прошли годы, и отец Владимир овдовел. Церковь благословила его принять монашество, в котором он получил новое имя — Василий — и архиерейский сан. И теперь уже епископ Василий отправился в очередное путешествие — в Америку. Там новый епископ привел в Православие тысячи протестантов, католиков и просто ни во что не верующих людей. Но, как это нередко бывает, пришлось не ко двору, впрочем, не столько своей энергичной деятельностью, сколько тем, что с открытым забралом выступил против одной могущественной, но совершенно неприемлемой в Церкви группы — лобби, как принято говорить. В результате Преосвященнейший епископ Василий был отправлен «на покой», то есть на ничем не обеспеченную, безденежную пенсию.

Но и это мало вдохновляющее событие стало для Владыки, который, следуя учению Церкви и своему немалому к тому времени жизненному опыту, видел во всем Промысл Божий, лишь продолжением столь желанных для его сердца стран-

ствий и поводом к новым подвигам и свершениям. В те годы как раз открывалась возможность поездок в Россию. Это было давней и страстной мечтой Владыки, и он с восторгом устремился в святую для него родную землю.

К тому времени и относятся некоторые истории, свидетелем и участником которых мне довелось быть. Владыка Василий появился в моей жизни и в жизни моего друга скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова как удивительная и нечаянная радость.

Это было в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Приближался памятный день убиения царской семьи, семнадцатое июля. Нам с Вячеславом Михайловичем очень хотелось совершить панихиду по Государю, но в те годы это было совсем не просто. Прийти в московский храм и попросить священника отслужить заупокойную службу по Николаю II было, само собой разумеется, немислимо. Все прекрасно понимали, что об этом сразу станет известно и на священника обрушатся неприятности, самой незначительной из которых будет увольнение из храма. Совершать службу на дому нам тоже не хотелось: на панихиду стремились прийти слишком много наших друзей.

Как раз в эти дни Вячеслав Михайлович Клыков закончил монументальное надгробие Александру Пересвету и Адриану Ослябе — воинам-схимникам, которых преподобный Сергей направил в войско Дмитрия Донского на Куликово поле. Это надгробие, после долгого сопротивления властей, было установлено на могиле схимников в бывшем Симоновом монастыре, который после революции был занят московским заводом «Динамо».

И тут мне пришла в голову мысль: поскольку официальное разрешение на освящение надгробия Пересвету и Ослябе уже получено, то мы можем во время освящения совершить и панихиду по царской семье. Конечно, за нами обязательно пришлют кого-нибудь присматривать, но соглядатаи вряд ли разберутся в богослужебных тонкостях — для них все происходящее будет долгой и непонятной церковной службой.

Вячеславу Михайловичу эта идея очень понравилась. Дело оставалось за малым — найти священника, который согласится бы рискнуть. Потому что риски, конечно, все-таки оставались. Пусть и не очень большие. Но если кто-то из соглядатаев поймет, что происходит на самом деле, то... Об этом, признаться, нам особо не хотелось думать. Но и подвергать опасности знакомых батюшек мы совсем не желали.

И вот тут кто-то нам рассказал, что в Москву на днях прилетел из Америки епископ Василий (Родзянко). Многие из нас слышали об этом владыке, знали о его церковных радиопередачах по «вражьим голосам». Посоветовавшись, мы пришли к выводу, что лучшего кандидата для служения панихиды по царской семье нам и искать не надо. Во-первых — белогвардеец. Во-вторых, для него, как для иностранца, риски должны быть минимальными. Во всяком случае меньше, чем для наших батюшек. «Контора Глубокого Бурения», так называли тогда КГБ, ему особого ничего сделать не сможет. Скорее всего... Во всяком случае, ему легче будет вывернуться — все-таки американец — убеждали мы себя. Да и вообще, как говорилось в несколько циничном, но популярном стишке тех времен: «дедушка старый — ему все равно». В конце концов, других вариантов у нас просто не было!

В общем, в тот же вечер мы с Вячеславом Михай-

ловичем были в гостинице «Космос», где остановился Владыка Василий с паломнической группой православных американцев.

Владыка вышел к нам в гостиничный холл... и мы были сражены! Перед нами предстал необычайно красивый, с удивительно добрым лицом, статный, высокий старик. Точнее, без всякой иронии или сентиментальности, «благобразный старец», как выражались в старинные времена. Таких архиереев мы еще не видели. В нем угадывалась какая-то другая Россия, совершенно иная культура и иной архиерей, чем те, с которыми нам доводилось общаться. И не то чтобы наши были хуже — нет! Но этот был и правда — совсем другой архиерей!

Нам с Вячеславом Михайловичем сразу стало стыдно за то, что мы собрались подвергнуть его — такого большого, доброго, незащитного и доверчивого — опасности. После первого знакомства и нескольких общих фраз, мы, еще не переходя к главной теме, извинились перед Владыкой, и отошли в сторонку пошептаться. Мы единодушно договорились настойчиво просить Владыку хорошенько подумать, прежде чем соглашаться на наше предложение.

Для разговора мы вдвоем вышли прогуляться на улицу, подальше от гостиничных микрофонов. Как только Владыка услышал о цели нашего визита, он, в буквальном смысле слова, в восторге остановился посреди тротуара и, вцепившись в мою руку, будто я собрался убежать, выразил не просто согласие, а горячо заверил нас, что мы посланы ему Самим Господом Богом! Пока я потирал локоть и, испуганно поглядывая на Владыку, прикидывал, большой ли синяк образовался у меня под рукавом, все объяснилось. Оказывается, Владыка уже лет пятьдесят, с тех пор как стал священником, каждый год неизменно служит в этот день поминальную службу по царской семье. А на этот раз, оказавшись в Москве, он уже несколько дней ломает голову, где и как ему в Советском Союзе совершить эту панихиду? И тут мы — со своей благочестивой авантюрой. Владыка увидел в нас ни больше ни меньше как Ангелов, посланцев Небес! А на наши честные предупреждения об опасности, он только досадливо рукой махнул.

У нас еще оставалось несколько вопросов, которые с Владыкой Василием разрешились как-то очень быстро. По древним церковным канонам епископ, приехавший в чужую епархию, не может совершать богослужение без благословения местного правящего архиерея: а таковым для Москвы являлся сам Патриарх. На это Владыка сообщил, что как раз накануне Святейший Патриарх Пимен разрешил ему служить в Москве так называемые «частные требы» — молебны и панихиды. Это было то, что нам и требовалось. Еще для службы нужен был хор. Оказалось, что почти все паломники, приехавшие с Владыкой, поют в церковных хорах.

Ранним утром, в день памяти убиения царской се-

мы, мы встретились у проходной завода «Динамо». Собралось десятков пять наших с Клыкковым друзей и еще два десятка американцев. Это были в основном православные англо-саксы, которые разговаривали только по-английски и церковнославянски. Надо было что-то срочно придумать, чтобы те, кто будет присматривать за нами, не поняли, что на территорию завода проникли иностранцы. Поэтому для верности пришлось до полусмерти запугать наших американских единоверцев подвалами Лубянки и строго наказать им ни под каким видом не открывать рта, иначе как для пения панихиды. Кстати, когда Владыка стал служить, они действительно составили очень неплохой хор и пели всю службу наизусть, почти без акцента.

Представители администрации завода и еще какие-то мрачноватые люди проконвоировали нас по длинным коридорам и переходам к месту захоронения Пересвета и Осляби. У меня сердце замирало, когда я видел, что товарищи в штатском с недоверием поглядывают на статного архиерея и на его перепуганную, молчаливую, но все же очень не похожую на советских людей паству. Но все обошлось.

Клыкковское надгробие Пересвету и Ослябе было действительно необычайно красивым — аскетически строгим и величественным. Мы начали с освящения, а потом, как и договаривались, незаметно для официальных лиц, перешли к панихиде. Владыка служил с таким чувством, а его прихожане пели так самозабвенно, что все прошло — как один миг! Владыка не произносил слов «император», «императрица», «цесаревич», а просто помянул вначале воинов Адриана Ослябю и Александра Пересвета, а затем — убиенного Николая, убиенную Александру, убиенного отрока Алексея, убиенных девиц Ольгу, Татьяну, Марию и отроковицу Анастасию, и имена своих и наших усопших близких.

Кто знает, может, люди, приставленные наблюдать за нами, все поняли? Догадываюсь, что так оно и было. Но никто из них не подал вида. Прощаясь, они поблагодарили нас. И, как нам с Вячеславом Михайловичем показалось, совершенно искренне.

Когда мы вышли из заводской проходной и оказались снова в городе, Владыка Василий вдруг подошел ко мне и крепко-крепко обнял. А потом произнес слова, которые навсегда остались в моей памяти. Он сказал, что до конца жизни будет благодарен мне за то, что я сделал для него сегодня.

И хотя я совершенно не понял, что же я такого сделал, но слова Владыки были очень приятны.

И действительно, Владыка всего его оставшуюся жизнь относился ко мне самым милостивым образом, что стало для меня одним из драгоценных и незаслуженных даров Божиих.

В те годы для нас только открывалась правда о Государе-страстотерпце и его семье. Книги, при-

Скульптор Вячеслав Клыкков, иеромонах Тихон (Шевкунов) и епископ Василий (Родзянко)

возимые из-за границы, рассказы старшего поколения верующих людей — вот откуда мы узнавали о новомучениках и исповедниках Российских.

Что же касается императора Николая II и его семьи, то как раз в те годы шли бурные споры о нем. Некоторые, очень уважаемые мною люди, более чем скептически относились к прославлению царской семьи в лике святых. Среди них были и замечательный архиерей — митрополит Николай Нижегородский, и профессор Московской духовной академии Алексей Ильич Осипов. Я ничем не мог ответить этим мудрым людям на их аргументы. Кроме одного: я просто знал, что император Николай и его семья — святые.

Это произошло, когда у меня был, быть может, один из самых тяжелых моментов жизни. Я, тогда еще послушник, в самом незавидном расположении духа забрел в Донской монастырь к могиле патриарха Тихона. Был день памяти убиения царской семьи. В тот год впервые панихиду по ним совершали не таясь. Я от

всего сердца стал просить царственных мучеников, чтобы они, если имеют дерзновение перед Богом, помогли мне.

Панихида закончилась. Я выходил из храма все в том же отчаянно-тяжелом состоянии. В дверях мне повстречался священник, которого я не видел несколько лет. Без всяких вопросов с моей стороны, он завел со мной разговор и, вдруг, разрешил все мои проблемы. Четко и определенно сказал, что мне надо делать. Это, без преувеличения, во многом решило мою судьбу. И вопрос о почитании царской семьи никогда больше не возникал в моем сердце. Сколько бы мне не приводили примеров о слабости, ошибках и грехах последнего русского императора.

Конечно, наш отдельный религиозный опыт без подтверждения Церкви мало чего стоит. Но, к счастью для меня, Церковь, канонизировав страстотерпца-царя и его семью, дает мне право признать этот свой малый личный и ни на что не претендующий опыт не ложным.

В кругу моего общения никто не сомневался, что для России монархия является самой органичной и естественной формой государственного правления. Но мы более чем скептически относились к активным и разнообразным монархическим движениям того времени.

Однажды, когда я нес послушание у митрополита Питирима, в Издательский отдел пришли люди, разодетые в дореволюционную офицерскую форму. Их мундиры украшали царские медали и ордена, в том числе и Георгиевские кресты. Я удивился и спросил:

— Как вы решились одеть на себя эти награды? Ведь они давались только за личную храбрость на поле боя.

Гости заверили меня, что с наградами у них все в полном порядке и пожелали немедленной встречи с митрополитом. Владыка, к моему удивлению, принял их, и внимательно,

не без любопытства, выслушивал целых полтора часа. Тема визита гостей была незатейливой — они требовали, чтобы владыка немедленно начал всячески помогать им в деле незамедлительного восстановления монархии. Прощаясь, владыка Питирим задумчиво произнес:

— А ведь дай вам сейчас царя, вы его через неделю снова расстреляете!

С тех пор всякий раз, когда Владыка Василий прилетал в Россию, он заранее звонил мне. И я с радостью отправлялся с ним в какое-нибудь очередное захватывающее приключение. А поводов для них у Владыки было море. Хотя, как это ни покажется странным, Владыка никогда не предпринимал ни одного путешествия по своей воле.

Об этом он рассказал мне особую историю.

В тысяча девятьсот семьдесят восьмом году умерла его супруга, Мария Васильевна. Смерть матушки стала для отца Владимира страшным потрясением. Он бесконечно любил ее. И произошло то, что нередко

происходит с искренними русскими людьми. Отец Владимир запил.

Владыка чистосердечно рассказывал об этом отрезке своей жизни как о тяжелом испытании, которое ему довелось пережить.

Запил отец Владимир по-настоящему. Хотя благодаря недюжинному здоровью, огромному росту и силе это до поры до времени не сказывалось ни на его священнической деятельности, ни на работе в радиопередачах. Утешался батюшка Владимир по своей сербской привычке ракией — крепкой балканской водкой. И неизвестно, чем бы все это закончилось, поскольку ни духовник, ни родные, ни друзья ничего поделаться с отцом Владимиром не могли, если бы не сама покойница, матушка Мария Васильевна, которая и при жизни, как говорят, была великой подвижницей и молитвенницей, не явилась с того света и не приструнила своего супруга.

Отец Владимир был настолько сражен этим явлением, и особенно строгостью своей матушки, что сразу пришел в себя, и русский недуг мгновенно оставил его.

Пить-то он бросил. Но надо было еще и как-то жить дальше. Дети к тому времени уже выросли. О втором браке не могло быть, естественно, и речи. Церковными канонами духовенству совершенно запрещен второй брак. И даже, если священник-вдовец дерзнет вступить в новый союз, он навсегда лишается права служения. Но, и помимо этого, отец Владимир был так привязан к своей покойнице-матушке, что та часть его сердца, которая ведала земной любовью, была занята Марией Васильевной во веки веков. Отец Владимир стал усердно молиться. Он просил, чтобы Господь послал ему какое-то правильное и спасительное утешение. И Господь ответил на его чаяния.

Продолжение следует

В.А. Никифоров-Волгин и будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Среди писателей русского зарубежья немало тех, чьи имена незаслуженно забыты или же, скажем так, еще недостаточно известны широкому читателю. К их числу принадлежит Василий Акимович (Иоакимович) Никифоров-Волгин.

Мальчишки лет восьми-девяти играют в лесу и, как водится, спрашивают кукушку, сколько кому суждено прожить. Герою рассказа не повезло: «Кукушка прокуковала Гришке восемьдесят лет, Федьке шестьдесят пять, а мне всего лишь два года». Мальчик плачет от обиды и повторно вопрошает вещую птицу. «На этот раз она прокуковала мне пятьдесят лет. На душе стало легче, хотя и было тайное желание прожить почему-то сто двадцать лет...»

Кукушка обманула. Автор этого автобиографического рассказа «Земля именинница» Василий Акимович Никифоров-Волгин не дожил даже до сорока: родился 6 января 1901 года и был расстрелян 14 декабря 1941-го, пополнив немалый список русских писателей, безбожной властью убиенных. В 1991-м посмертно реабилитирован. Получается, что в нынешнем году у В.А. Никифорова-Волгина двойной юбилей: сто десять лет со дня рождения и семьдесят — со дня смерти.

Писатель родился в деревне Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии в семье сапожника, страдавшего довольно распространенным среди русских людей пороком: отец будущего писателя сильно пил. Волею судеб семья оказалась в Нарве, где отец промышлял своим сапожным ремеслом, мать, фактически кормившая большую семью, работала прачкой, а Василий, окончив начальную школу, усиленно занимался самообразованием. С

ПЕВЕЦ ПОТЕРЯННОЙ РОССИИ

1921 года он начинает публиковаться в местной прессе, подписывая свои статьи псевдонимом «Волгин», затем — «Никифоров-Волгин»; в 1935-м переезжает в Таллинн, где преуспевает не только в литературной, но и педагогической деятельности. Среди его учеников — Алеша Ридигер, будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Летом 1940 года в Эстонии была установлена советская власть, а 24 мая 1941 года Никифоров-Волгин арестован органами НКВД, вскоре этапирован в Киров (Вятку), где и принял мученическую смерть. К расстрелу его приговорили за «издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания»: свое творчество писатель оплатил жизнью, успев выпустить всего два сборника рассказов — «Земля именинница» и «Дорожный посох».

О чем они, рассказы Никифорова-Волгина? О России. О России его детства, дореволюционной, и о другой — вздыбленной революцией. О том, какой была душа русского человека, и о том, какой она стала.

Детство писателя прошло среди мастеровых — лудильщиков, сапожников, портных. В жизни городских низов было немало неприглядного — пьянство, драки... И тем не менее, рассказы об этой поре его жизни пронизаны светом: ведь взгляд ребенка отмечает прежде всего хорошее. Как и И.С. Шмелев, В.А. Никифоров-Волгин изображает мир русского Православия, вековые народные устои, сформированные христианскими ценностями. Среди его героев — разные люди: есть настоящие праведники (неслучайно писателя называли современным Н.С. Лесковым), есть и такие, как медник Егор Вяткин: «На Егора часто нападала тоска, та особенная русская тоска, которая заставляла его метаться между церковью и кабаком».

Революцию В.А. Никифоров-Волгин воспринял как катастрофу, как грозные знаки грядущего апокалипсиса. Писатель показывает, как утратившие веру во Христа русские люди теряют человеческий облик. Вот рассказ «Оску-

дение». Повествователь едет по заснеженному полю с пожилой монахиней. Матушка говорит, что подъезжают к «Пригвожденной Богоматери» — значит, скоро монастырь. Странное название вызывает недоумение рассказчика. Вместо ответа монахиня подводит его к придорожному кресту с Суздальской иконой Пресвятой Богородицы. Рассказчик потрясен: «Я взгляделся в образ. Чья-то кощунственная рука вбила в глаза Богоматери гвозди».

Все рассказы В.А. Никифорова-Волгина, изображающие послереволюционную страну, — это мучительные раздумья о двух Россиях: «России монашеской, в молитве сгорающей, и России разбойной, вбивающей гвозди в глаза Пресвятой Девы». Чудовищные кощунства над святынями, садистские издевательства над людьми — и всё это там же, где совсем недавно звучал благолепный малиновый звон, где люди мерили время церковными праздниками.

Размышляя об ужасах настоящего, писатель напряженно вглядывается в прошлое, видит там не только «Святую Русь» своего детства, но и грозные приметы грядущего отступничества от Христа немалой части русского народа. Вот рассказ «Древняя книга» о судьбе старинной Библии, сохранившейся в большой семье бухгалтера Рукавишника с 1752 года. И надписи на полях Священного Писания, сделанные руками представителей разных поколений семьи, заставляют задуматься о многом: благоговейные размышления и молитвы где-то с конца XIX века сменяются пошлыми бытовыми заметками, а затем, в послереволюционные годы, прямым глумлением над верой. В одной семье, как в капле воды, отразилось то, что происходило в масштабах огромной страны...

И все же писатель сохраняет веру в русского человека. Веру в то, что даже в помутненных грехом душах жив образ Божий. Об этом он повествует в рассказе «Мати-пустыня»: вернувшийся с Гражданской войны красноармеец приносит покаяние и умирает по-христиански. И в рассказе «Солнце играет», где приглашенный для

участия в кощунственном спектакле «Христос во фраке» известный талантливый актер неожиданно для всех и, главное, для самого себя, вдруг срывает мерзкое действо, читает притихшему залу заповеди блаженства и, произнеся в заключение последние слова Благоразумного разбойника, идет на свою голгофу.

Никифоров-Волгин верил, что Русь

возродится, что русские люди сами ужаснутся содеянному. Так и случилось. Книжки его возвращаются, биография восстанавливается по крупицам, уцелевшее из творческого наследия бережно собирается энтузиастами. Будет ли молодое поколение обращаться к его произведениям? Вопрос непростой. Ни для кого не секрет, что нынешняя молодежь читает всё меньше и меньше.

И все-таки было бы клеветой на нее утверждать, будто она нечитающая — вся. Скажем так: прочтут те, кому небезразлична судьба родной страны, ее прошлое и будущее.

Публикуется в сокращении

Оксана Гаркавенко
Газета «Православная вера»,
№ 10, 2011 г

Голубым весенним днем извилистой лесной тропой, под зеленой тенью берез, тихим болезненным шагом шел к себе на родину, в село Коростелово, солдат Красной Армии Семен Завитухин, ржановолосый и низкорослый деревенский парень.

— Иду помирать на своей земле, — медленно и тяжело думал он, — косточки сложить поближе к Волге, к родимой матушке, которую не видал лет восемь, к ржаным полям, к забытой могиле отцов, где так приглубно склоняются над ветхими крестами дуплистые деревья, а из окон кладбищенской церкви доносится кроткое примиряющее пение...

— Не хочется помирать, но ничего не попишешь, — вслух произнес горькие слова.

Крепко был болен Семен Завитухин.

Во время гражданской войны полежал как-то он на студеной осенней земле, схватил простуду, стал кашлять кровью и таять. Дали Завитухину вольную и отпустили на все четыре стороны.

Солнцем, цветами, свежестью распускающихся берез, несказанной Господней красотой полны были голубые глубины леса.

— Эка благодать-то какая! — думал Завитухин, жадно вдыхая в себя сочный березовый дух.

Когда здоров был Семен, то не замечал в бешеной смене революционных дней всей красоты, щедро рассыпанной по весенней солнечной земле. Некогда было красноармейцу Завитухину думать о голубых небесах, березках да цветиках, когда люди говорят, что «белая гидра на носу и наемники капитализма хотят погубить завоевания октябрьской революции».

При воспоминании о пройденных революционных годах, о душной гражданской войне, о расстрелах своих земляков крепким надрывным словом выругался Завитухин и закашлялся от волнения удушливым кашлем с кровавыми выплевками.

Ложился на душистую теплую землю, припадал к ней чахоточным лицом, рвал с березок пахучие клейкие листочки и, вдыхая в себя хмельные их запахи, с острой тоской укорял себя.

— Счастья-то какого лишился ты, Сеня Завитухин — крестьянский сын! И на что променял?

В душе поднималась колючая злоба, и, чтобы угасить ее, он стал думать о родном селе Коростелово на берегу Волги, о радостях забытого крестьянского труда, о солнечных восходах над росистыми полями, о родных яблонях, одетых в белый снежный цвет, о матери, о деревенских хороводах в дрожании прозрачных вечеров и о всем том, что составляло радость и смысл живущего и так безжалостно было сожжено огнем революции.

Семену захотелось спеть старинную песню про зореньку, у которой много ясных звезд, и про ноченьку темную, у которой звездам счету нет, но закашлялся и погасил песню.

Чем ближе подходил Завитухин к Волге, чем ощутимее чувствовал вольное ее дыхание, тем яснее и примиреннее становилось у него на душе.

Была белизна и нежность, как когда-то в детские утренние годы, когда он в белой рубашке стоял в сельской церкви перед сияющей Христовой чашей и ждал причастия Святых Тайн.

Солнце село за далекими дымчатыми лесами, и святая вечерняя тишина опустилась над зоревой Волгой и над соломенными крышами села Коростелова,

когда он, усталый, едва переводя дух от волнения, подошел к своей старой избе с опрокинутым забором и яблонями в белом цвету.

Не смея сразу войти в избу, он сел на скамейку под яблонями и закашлялся. Скрипнула дверь избы, и на крыльце показалась маленькая старушка, вся в черном, как монашенка.

Чувство ли матери подсказало, что сидит на скамейке потерянный его сын, жалость ли к этому усталому, кашляющему кровью человеку, сына ли напомнил он, но только она сошла с шатких ступенек крыльца, подошла к нему, села с ним рядом и без слов стала гладить бледные, костлявые руки незнакомого.

Завитухин вздрогнул, увидав родное лицо матери,

опустился на землю, положил голову на ее колени и заплакал:

— Маменька!..

Много хороших нежных слов было припасено матери в его сердце, но ничего, кроме слова «маменька», сказать не мог.

Мать тепло и крепко обвила его худую шею и радостно, тихо заплакала и не могла найти слов, чтобы выразить свою нечаянную радость.

Семен прижимался к матери и слышал, как билось ее сердце.

Он закашлялся. И из горла хлынула кровь. Она заливала подбородок и густыми, алыми змейками сползала по зеленой солдатской гимнастерке.

Мать платком утирала подбородок сына и с бесконечной тревогой и нежностью спрашивала:

— Сеничка, сыночек мой! Что с тобой, родименький мой?

— Вы не беспокойтесь, мамаша, — утешал ее сын, стараясь улыбаться, — все пройдет. Я поправлюсь. Помогать тебе буду... Забор вот поправить надо. Яблоньки подрезать... Ишь, они как одичали... Вы за меня, маменька, не тревожьтесь. Все пройдет. Кашель у меня меньше стал, и облегчение некоторое обнаруживается...

Когда засыпал Завитухин в родной своей избе, то долго сквозь легкий сон слышал, как молилась мать перед старенькими образами и как дрожали за окном яблони в белом цвету.

Утром, с восходными зорями Завитухин проснулся. Осторожно, чтобы не разбудить мать, он вышел из избы на крыльцо.

Утро — теплое, розовое. Мягко кудрявились белые облачки. На цветах яблонь роса. С голубой Волги веяло прохладой. В солнце и голубые ризы одевалась крестьянская земля.

В душе Семена поднималось забытое крестьянское чувство. Жадно захотелось работы. Родной, мужицкой работы, в которой целое поколение Завитухиных находило радость и оправдание жизни.

Захватенный жаждой работы, он не хотел больше думать о своей смертной болезни.

— Ничего, — утешал себя с улыбкой, — это пройдет. Подышу деревенским воздухом, окрепну, и все будет в совокупности.

Семен обошел двор, хозяйским глазом осмотрел одичавшие яблони, опрокинутый забор, шаткие гнилые ступени крыльца и деловито, по-хозяйски, слегка нараспев, произнес:

— Работы-то много! Ишь, как все покачнулось. Ну, да это мы, Бог даст, наладим...

В груди поднимался колючий комок кашля, но Завитухин старался подавить его, чтобы этим заглушить мысль о болезни.

В сарае он нашел топор, раздобыл гвоздей и взялся было починить опрокинутый забор, но не успел вбить и гвоздя, как почувствовал себя дурно, сел на землю и закашлялся долгим хрипящим кашлем.

Когда успокоился от кашля, подошел к яблоне, обнял ее шероховатый стан и заплакал.

Воротился в избу бледный, с дрожащими ногами и лег на полати, с тоской глядя, как золотые солнечные лучи проникали в избу и дрожали на стене тени от старых яблонь.

Как таяние вечерней зари, как догорание восковой свечи в одиноком храме, проходили на земле последние дни Семена Завитухина. Наступила последняя предсмертная тягота.

Не думалось больше о земле, о работе... Мысль тянулась больше к тому, что выше земли, выше солнца и звезд, к невечернему миру, о котором так грустно пели когда-то под окнами странники-слепцы.

Часто звал к себе мать, гладил морщинистые ее руки и все просил рассказать ему что-нибудь про старину, когда леса были дремучее, нивы плодороднее, люди сильнее и все было по-иному.

И мать, едва пересиливая рыдания, древними стихами рассказывала ему бывальщину.

Высокий и тонкий лад его дум так созвучно сливался с древними песенными словами матери, и была на душе особенная утешенность.

В один из золотых сентябрьских дней позвал он к себе мать и сказал ей:

— Маменька... голубушка... Отвези меня в Николину пустынь. Помолиться хочу перед смертью и обелить себя покаянием... Много грехов у меня, маменька... Ой, как много... Страшных грехов!

— Не тяжело ли тебе будет, Сеничка? Верст тридцать, поди, до Николиной пустыни, истомись в дороге-то сыночек!

— Не препятствуй мне, маменька. Пусть эта дорога подвигом моим будет, веригами моими. Отвези меня в пустынь... Пустынь... Пустыня, — бредово шептал Семен, — слово-то какое приятное... тихое утешное слово... Помнишь, маменька, пела ты как-то о прекрасной мати-пустыни?

«Мати-пустыня, приюти сиротку...»

Чтобы не выдать сыну своей печали, уходила мать в сени и там плакала.

Одели Семена в белую чистую рубаху, укутали в шубу, под руки повели к телеге, положили его на солому, и повезла мать сына холодноватым, золотым сентябрьским днем в Николину пустынь.

Лежал Семен вдоль телеги и большими проясненными долгой болезнью глазами смотрел в глубокое синее небо, и уже не было желанья быть на земле, а хотелось скорее слиться с этим небом и лечь бок о бок с прадедами, у края кладбищенской церкви, откуда будет доноситься кроткое примиряющее пение.

Ехали русскими просторными полями.

В пути, среди ветреного безлюдного поля, их застигла ночь. Холодно было. Пусто было. Мать склонялась над лицом больного сына, согревала его своим дыханием, поправляла изголовье и ноги его укутывала соломой. Чувствовала мать, что тяжело сыну, и сквозь слезы утешала его рассказами про старину, про леса дремучие, где прятались раскольничьи скиты и жили прозорливые подвижники; про дедов крепких, как дубы, и веселых, мудрых, как земля, ими возделанная. И даже стих пропела сыну про прекрасную мати-пустыню и про дубравы Господни, цветами райскими украшенные.

После причастия в Николиной пустыне умер бывший красноармеец Семен Завитухин. Тише падения золотого листа с дерева умер он, и даже мать не услышала последнего его вздоха.

При помощи монахов уложила мать сына своего на телегу и теми же печальными осенними полями, под те же ветровые песни, низко опустив голову, повезла его в Коростелово. Так же в пути их застигла ночь, и много звезд смотрело на них.

Холодно было. Пусто было. Кружился увядающий лист. Так же поправляла мать изголовье сына, укутывала ему ноги и согревала его дыханием — словно холодно было ему в этой осенней мгле, и, как молитву, как причит, тихо пропела ему про прекрасную мати-пустыню и про дубравы Господни, цветами райскими украшенные.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

**В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра**

Продолжение. Начало №№ 10-12, 2010 г., № 1-11, 2011 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Встречи в Поднебесной

5

Бариновы

Аба совсем выздоровел. Ему сшили шаровары — с широкими карманами, маленькими и большими лямками, единственная цель которых — украшение, и рубашку сшили, как положено, со стоячим воротом. Яба как надел на себя непривычную для него новую одежду, так сразу сам себя застеснялся. Странно чувствовал он себя в предназначенной для богатых одежде. Хотелось повесить её и долго любоваться, а не ходить в ней. Прежде отец покупал ему одежду всегда поношенную, причём до такой степени поношенную, что и дырять заштопать невозможно было.

Окно, за которым находилась комната Бариновых, было открыто настежь. Яба увидел в комнате Соню и хотел уж было окликнуть, да заметил сидящего за столом отца её — Пантелея Савельича. Яба знал от Сони, что он в пьянке своей опустился ниже некуда. И она очень его жалеет. Может, потому часто резка с ним. Ябе слышно было, как Сониная мать — Меланья Гавриловна, сидевшая тоже за столом, напротив мужа, виноватым голоском неуверенно предлагала ему:

— Тебе надо получить постоянную должность!

— Я Пантелей Баринов! Русский офицер! — сразу встал он в позу. — Моя должность, как тебе известно, может быть только при армии.

— Вот и иди к гоминьдановцам. Ты же был офицером армии, которая ни в какое сравнение не идёт с китайской. Тебя гоминьдановцы не могут не оценить. Примут с радостью. И опять будешь командиром.

— Мы — эмигранты обязаны всему Китаю, а не только гоминьдановцам. Мы — эмигранты не можем делить

китайцев по признаку партийности. А наша партия — Бог, Царь и Отечество, коим мы присягали. И теперь у нас та же единственная партия — Православие... и ни на какую другую партию я работать не намерен... Что?! Помогать обездоленным?.. Я всегда — «за»! А гоминьдановцам только свистну, вмиг набегут звать в свои ряды. Только я: ни-ни...

Надо сказать, что гоминьдановцы не очень-то желали видеть своими командирами эмигрантских вояк, даже его — подполковника Пантелея Савельича Баринова, когда-то известного в России своими удачными вылазками в тыл противника. Тогда к нему обращались — Ваше превосходительство, Ваше высочордие. С тех пор, как он выпал из привычной ему армейской обоймы, стал человеком престранного рода: беззаботен, как птица, молчалив, рассеян и неловок с виду. Но в двух случаях он превращался в прежнего боевого командира: это когда сидел в кабаке среди своих бывших однополчан и когда был с женой. С ней он обходился жёстко и грубо, и, вообще, дома он принимал на себя грозный и суровый вид. Жена его Меланья Гавриловна никогда не знала — будет ли сыта завтра. И, вообще, терпела участь горькую, однако не знала, чем и как угодить ему, трепетала от его взгляда. На последний маю покупала ему водки, подобострастно подправляла на нём одеяло, когда он, величественно развалясь на кане, издавал изрядный богатырский храп. Оба они были на гражданке ни на что не пригодны. Пантелей Савельич иногда находил временную работу у китайцев в хозяйстве. Но что бы он не сделал, трудолюбивые китайцы потом ходили и плевались. А принимали его на работу только лишь из жалости, видя

трудное положение семьи. Меланья Гавриловна полгода работала в госпитале, но за это время так и не одолела премудрости — накладывать бинтовые повязки.

— А ты бы, Пантелей Савельич, и тут сражался с красными, только китайскими красными... — пугливо пролепетала она.

— Сколько можно говорить тебе, глупая: не умею я платить чёрной неблагодарностью!

Меланья! Дай два мао. Водки хочу.

Соня вдруг пропела детским голосом:

— Ни кола, ни двора, и в кармане дыра. — Дочь вольно вела себя с отцом и не заискивала перед ним, как мать.

— Сонька. А ну, поди сюда, — грозно окликнул её Пантелей Савельич. Когда девочка подошла, он сунул руку ей в карман и вынул медное кольцо и несколько медяков. — А это откуда? — спросил он, выудив из другого кармана девочки часы. Приложил к уху, завёл их, опять послушал. — Да тебя надули... А циферблат светящийся...

Всё выуженное у дочери он сунул себе в карман и направился к двери. Девочка, как бы между прочим, проговорила ему в спину:

— Однако придётся мне самой наниматься к гоминьдановцам.

Пантелей Савельич вернулся. Посмотрел на неё угрюмо.

— Ты ведь слышала о полковых жёнах. Да, да, о тех, которые для каждого солдата — жена... Тебе скоро о замужестве надо будет крепко подумать... за кого повыгоднее.

— А может, ты и об этом думаешь за меня?

— Ершистая... Давно не занимался твоим воспитанием.

— А ты позанимайся.

— И позанимаюсь. А ну-ка повтори за мной: большевики — бесы, революционеры — бесы. Ну, чего не повторяешь? Ты ведь читала книгу Достоевского «Бесы». Ну, скажи: большевики — это... кто? Ну-у, скажешь, нет?

— А вернёшь взятое из моего кармана?

— Ничего я тебе не верну! — рассердился Пантелей Савельич. — Ты кто?! Русская ты. Православная христианка. А большевики кто?.. Кресты сбросили с Божьих храмов. Так кто они?.. Разбойники и воры, люто ненавидящие Бога.

— Ты мне об этом уже говорил.

— Говорил, но не грех лишний раз напомнить, что над нами Бог.

— А ты делом напомни. Небось не знаешь, как выглядит новый владыка?

— Каюсь. В глаза не видел.

— Вот и сходи в церковь, посмотри. Там много бывших белогвардейцев. Только твоих собутельников нет.

— Но-но!.. Моих друзей прошу не оскорблять!

— Обидно стало? А разве я не права? Ты вот на-

зываете большевиков безбожниками, а сам уж давно отошёл от Бога. В церкви я с другими бывшими белогвардейцами молюсь. А где в это время ты?

Пантелей Савельич обхватил голову руками и так некоторое время сидел молча. Поднял на дочь глаза.

— Небось, дочка, стыдно ходить по улицам и просить Христа ради у китайских женщин?

— Если я не буду просить, то кто будет добывать вам на пропитание?

Отец молчал. Нечего сказать ему на этот укор.

— Ладно, — наконец словно встрянувшись он. — Ты всё-таки всем говори, что большевики злодеи и разбойники, а я тебе за это верну часы. На. — Он прижал голову девочки к своей груди. — Ты не держи на меня обиду, дочка. Когда твой папа найдёт работу, он хорошенько тебя принарядит. Ты будешь самая красивая невеста в эмиграции, а если Господь сподобит избавить Россию от власти безбожников, вернём всё, что нажили наши деды и прадеды в поте лица. Власть тьмы не может продолжаться бесконечно, Бог не допустит. Заживём, дочка. Хорошо заживём... если доживём.

— Папа, а почему ты не носишь офицерский мундир? Владыка Иоанн говорил, что офицерский мундир выправляет не только тела, но и души.

— Правильно говорил. В офицерском мундире неудобно перед китайцами дебоширить да водку пить.

Перед уходом из дома отец на сей раз переоделся в мундир и направился к выходу. Яба спрятался за дерево. Навстречу Пантелею Савельичу шла Анна Петровна. Раскланялись и разошлись, не сказав друг другу ни слова. Анна Петровна часто укоряла его, что пьянствует, что семья голодает. Пантелей Савельевич за это недолюбливал её. Когда оба исчезли — одна в фанзе, другой в переулках, Яба вышел из-за дерева и опять подошёл к окну.

— Соня, — крикнул он.

Девочка выглянула в окно и хотела уж было выйти к нему, но Анна Петровна в это время выложила из своей сумки на стол совсем новёхонький детский халатик, небесного цвета, с редкими жёлтыми цветами.

— Это тебе, Соня, — сказала она.

— Мне?! — не веря, изумилась девочка. И когда та подтвердила, кинулась к тётке Ане и крепко прижалась щекой к её щеке.

Засмущавшаяся женщина отстранилась.

— Это ещё не всё. Вот шаровары китайского покроя и туфельки из зелёнькой ткани.

— Ой, такие теперь самые модные в Шанхае!.. И это всё мне?!

Довольнёхонькая Анна Петровна кивнула.

Соня от радости и про Ябу забыла. Её халатик давно заношенный, штопаный-перештопаный, хорошо рядил её в маленькую нищенку. Такие же были у ней и шаро-

вары. Ушла за занавеску переодеваться. Анна Петровна выложила рубашку для Пантелея Савельича и одежду для Меланьи Гавриловны.

— Откуда всё это у тебя? — удивлённо смотрела на выложенные богатства Меланья Гавриловна.

— Владыка, как всегда, дал мне за работу с его голосом доллары, но на этот раз я вам покупки сделала. Побоялась, что твой Пантелей опять приберёт их для кабака.

— Пантелей Савельич, — поправила Меланья Гавриловна.

— Ух! Ох! — засмеялась Анна Петровна.

Соня вышла из-за занавески наряженная. Оглядела себя.

— Теперь мне никто не захочет подавать милостыню, — задорно проговорила она, крутнувшись.

Анна Петровна оглядела её с ног до головы. Сказала:

— Хороши твои тряпичные туфельки. Ты теперь как персидская княжна. А куда же подевался твой китайский мальчик.

Только что под окном вертелся... Похвастайся ему.

Соня вспомнила, что он дожидается её, выглянула из окна и, увидев Ябу, помахала рукой. Выскочила на улицу, покрутилась перед ним.

— Я как персидская княжна, да?

— Ты из династии Цин.

— А ты — князь Серебряный. Книга у нас есть с таким названием. Господин Загоскин написал. Я тебе когда-нибудь почитаю.

Они важно пошли в сторону храма. Люди озирались на них.

— Я вот одетый во всё новое — без дырочек и заплат, а мне так стыдно, будто снял с себя старое, а взамен ничего не надел. Так во сне бывает.

Соня покивала.

— А меня видят теперь люди, которые подавали мне Христа ради, и думают: «На наши подаяния купила одежду».

Продолжение следует

ГОТОВИМСЯ К ПРАЗДНИКУ

Вожидании праздника Рождества Христова мы предлагаем нашим читателям сделать с детьми трехмерный рождественский вертеп, который можно поставить под елочку, в детской комнате или подарить близким.

Рождественский вертеп

Для поделки надо взять белый тонкий картон или толстую бумагу (как ватман, например), либо бумагу для черчения, клей ПВА-М бумажный скальпель для вырезания.

Вырезаем три белых шаблона, наносим на них рисунки и вырезаем их (рисунки 1, 2, 3). Затем делаем две гармошки (рис. 4), которые соответствуют высоте вашего изделия. Гармошка поделена по 1,5 см. Для заднего фона мы выбираем картон со звездочками, напоминающий ночное небо. Собираем, вклеивая в гармошку наши заготовки. Вертеп готов!

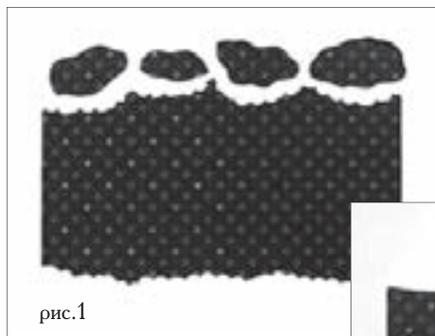

рис.1

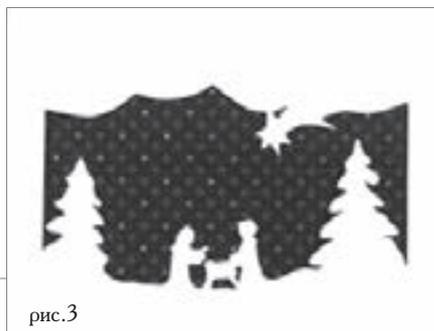

рис.3

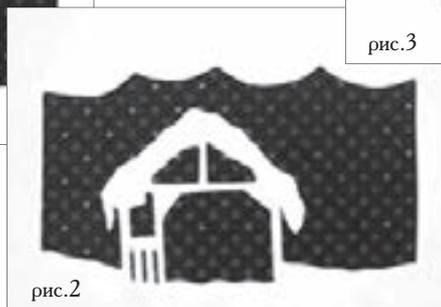

рис.2

рис.4

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников в январе (по новому и старому стилю)

**Святого праведного
Иоанна Кронштадтского
(2 января/20 декабря)**

**Святой благоверной
княгини Иулиании Вяземской
(3 января/21 декабря)**

Благоверная княгиня Иулиания Вяземская и Новоторжская была женой Вяземского князя Симеона Мстиславича. После завоевания Смоленска Литвой они разделяли изгнание из родной земли вместе со Смоленским князем Юрием Святославичем. Великий князь Василий Московский дал им в удел город Торжок. Здесь князь Юрий прельстился красотой Иулиании и любыми путями пытался склонить ее к прелюбодеянию, но все усилия его были тщетны. Тогда во время пира Юрий убил мужа Иулиании, надеясь после этого насильно овладеть ею. Иулиания, защищаясь от насильника, ударила его ножом. Разъяренный Юрий гнался за ней с мечом, отрубил ей руки и ноги, а тело велел бросить в реку Тверцу. Произошло это в 1406 г.

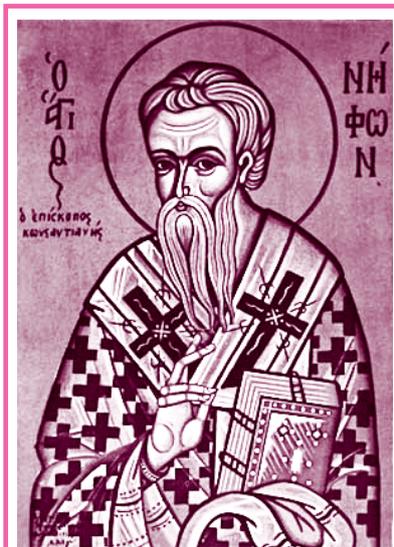
Мучимый совестью от совершенного злодеяния, Юрий нигде не мог найти покоя и в конце концов пришел в Веневский Успенский монастырь, где и провел остаток жизни в покаянии и слезах. Раскаявшийся убийца скончался в 1408 г. и стал местночтимым святым.

Весной 1407 г. больной крестыанин увидел, что по реке Тверце плывет против течения тело убиенной княгини и услышал голос, повелевший собрать духовенство и совершить погребение тела у южных дверей Спасо-Преображенского собора города Торжка. В тот же момент больной исцелился от болезни. Во время погребения многие больные чудесно исцелились. С тех пор ко гробу княгини постоянно приходили люди с верой в благодатную помощь святой.

В 1819 г. в Преображенском соборе был устроен придел в честь святой княгини, где находилась рака с ее мощами. В 1918 г. собор закрыли.

До 1930 г. мощи покоились в храме Архангела Михаила. С тех пор судьба их неизвестна.

**Святителя Нифонта Кипрского
(5 января/23 декабря)**

**Святитель
Нифонт Кипрский**

Родом святитель Нифонт из Пафлагонской страны, из города Плагииона, жил и подвизался святой в IV веке. Получив хорошее светское образование, он в юности проводил весьма рассеянную греховную жизнь. Затем, раскаявшись, встал на добродетельный путь. Господь, желая испытать св. Нифонта, как золото в горниле, попустил на него искушение, которое состояло в повреждении его ума и продолжалось четыре года. Но святой с терпением и смирением нес это испытание Божие.

Св. Нифонт почти всю жизнь находился в борьбе с нечистыми духами. Своими подвигами он так угодил Господу, что сподобился дара прозорливости и чудотворения. Прозорливыми очами он видел, как во время смерти души разлучаются с телами, как Ангелы по воздуху несли душу праведного и как темные силы задерживали ее на мытарствах. Видел

преподобный также, с какой адской радостью нечистые духи влекли в геенну ожесточенного грешника.

Под старость, прибыв в Александрию, св. Нифонт по особому откровению Божию был избран епископом Кипрским. Святой с прилежанием стал пасти стадо Христово. После многих трудов и подвигов скончался святитель Нифонт в мире.

**Навечерие Рождества Христова
(6 января/24 декабря)**

**РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО
(7 января/25 декабря)**

**Святых 20000 мучеников
в Никомидии сожженных
(10 января/28 декабря)**

В праздник Рождества Христова, в 302 г. в Никомидийской соборной церкви собралось около 20000 христиан. Это было время правления императора Максимилиана, прославившегося жестокими гонениями на христиан. По его приказу разрушались храмы, сжигались богослужебные книги, все христиане лишались гражданских прав и должностей. Узнав о праздновании, император послал в церковь глашатая, который передал повеление всем выйти из храма и принести жертву языческим богам, в противном случае он угрожал сжечь храм вместе с молящимися.

Однако все присутствующие единодушно отказались поклониться идолам. Пока мучители готовились поджечь церковь, совершавший богослужение епископ Анфим крестил всех оглашенных и всех причастил Святых Тайн. Все двадцать тысяч молящихся скончались в огне.

**ОБРЕЗАНИЕ ГОСПОДНЕ
(14/1 января)**

**КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ
(БОГОЯВЛЕНИЕ)
(19/6 января)**

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александрo-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 23.12.11. Выход по графику 28.12.11

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.